

Виктория
Фельдман

ЭМИГРАНТСКИЙ СИНДРОМ

Виктория Фельдман

Эмигрантский синдром

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6193440

Эмигрантский синдром:
ISBN 978-5-91419-228-7

Аннотация

Книга «Эмигрантский синдром» погружает читателя в эпоху «Лихих девяностых». Эмиграция в Германию, вот темы рассказов одновременно трагических и комических. Герои рассказов – это люди, пережившие Горбачевскую Перестройку, которая лишила их Родины. Кто сам это пережил – узнают себя, кого миновала чаша сия – узнают об этом времени много нового.

Содержание

Ой, евреи!	6
Исход	17
Зов крови	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виктория Фельдман

Эмигрантский синдром

ПЕРЕСТРОЙКА – термин, вошедший в широкое употребление с середины 80-х годов XX столетия, обозначивший курс на реформирование тоталитарной системы в СССР. Перестройка, начатая М.С.Горбачевым, привела к значительным переменам в жизни страны и мира в целом. К началу 90-х годов в результате противоречивости и непоследовательности в осуществлении перестройки произошло обострение кризиса во всех сферах жизни общества. (Энциклопедический словарь).

ГОРБАЧЕВ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ. В 1978,1985,1991 годах – первый Секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии, председатель бюро ЦК КПСС. Возглавил процесс перестройки и являлся его инициатором.

Эти воспоминания мы посвящаем тем, кто выбрал для себя сложный путь эмиграции.

Слова «Перестройка, Горбачев» знают во всем мире без перевода. Однако мало кто из иностранцев знает сколько поломанных судеб, разбитых семей и потерянных жизней принесло это время. Его можно только сравнить с цунами, пронесшимся по всей территории бывшего Советского Союза.

В Союзе мы жили с мечтой о светлом будущем времени, когда наступит всеобщее благополучие, наступит коммунизм, который так долго обещала нам родная коммунистическая партия. Чем все кончилось? Мы, как и многие наши бывшие соотечественники, выпали за борт нашей родины. А корабль под названием Россия, забрав все лучшее у стран содружества, выбросив лишнее, мешающее ему, продолжает свое плавание, но уже без нас.

Мы же, резко изменив принцип существования, попав из социализма напрямиком в капитализм без переходного периода, пытаемся выжить. Как это, получается – судите сами.

Ой, евреи!

1974 год. Юг Украины.

На тротуаре шумно беседуют 2 человека, при этом сильно жестикулируя руками. Подходит третий «Я не знаю, о чем вы говорите, но ехать надо».

И евреи поехали. Куда и зачем двинулся этот народ-кочевник? «Евреи, как большая стая: один поднялся, все за ним. И улетают, улетают. Где сядет будущий Олим?» Это движение с юга Украины напоминало массовый исход евреев из Египта. В течении 20 лет из миллионной Одессы выехало 200.000 жителей. Нет больше старой Одессы. Город, конечно, остался, но нет колорита, нет языка, нет души.

Первый побег или выезд начался в начале 1980-х Тогда из бывшего СССР просто изгоняли всяких неугодных, диссидентов. Это были не только евреи, но и просто неугодные режиму. Тогда еще была популярной песенка: «Поменяли хулигана на Луиса Корвалана, евреи, евреи, кругом одни евреи...»

Потом капиталистические страны Австрия, Италия, Израиль и США публично сделали жест доброй воли и предложили евреям помощь. Семьи беженцев направлялись в Италию через Австрию, там их регистрировали и селили в лагерь временного содержания. Там с ними вели душеспаси-

тельные беседы. После которых, те должны были по своей воле выбрать страну дальнейшего проживания. А спустя 3-4 недели таких бесед, бюро переселения готовило документы на отправку семей дальше. Италия и Австрия себе беженцев не оставляли, а только предоставляли временные лагеря. В основном все убежавшие стремились в Америку. Но, не нужно забывать, что вся эта история была задумана для того, чтоб направить еврейские семьи в Израиль. Там очень активно начал работать «Сохнут», а в нем группа русскоговорящих психологов из новых жителей Израйля. Основной задачей «Сохнута» было увеличить количество жителей Израйля за счет переселенцев из восточных государств. У эмигрантов было такое ощущение, что именно там, в Израиле и есть тот самый рай на земле, где «текут молочные реки, а вокруг кисельные берега». Лагеря временно содержания представляли собой казармы, где люди жили и ждали своей участи. Каждое утро, после общего завтрака их вели на собеседование, где задавались разные хитрые вопросы. Выискивали всякие уловки, чтоб бежавшие от коммунизма по доброй воле захотели в Израиль. Среди этих групп сведения распространялись быстро. Пошел слух, что Америка временно задерживает прием, а деньги, полученные для временного проживания, кончались. Медицинской страховки ни у кого не было. Нужно было как-то решать, что делать дальше, ведь есть хотелось каждый день. Люди искали варианты, чтоб вырваться из этих удушливых объятий «Сохнут», не нарушая

при этом закона.

В Америку можно было попасть только при условии, если там есть близкий родственник, который принимает на себя проблемы адаптации и дает письменную гарантию. Внезапно совершенно недоступная Швейцария пригласила к себе 20 семей. Что тогда началось!!! Швейцария вообще представлялась всем – земным раем. Ведь всего 20 семей! Среди еврейского населения наблюдалась паника. Ведь совершая такой шаг, как вынужденная эмиграция, не зная, сколько брать багажа, и нужен ли он вообще? Как дальше будет с медицинской страховкой, сколько можно взять с собой денег? А если там не получится, можно ли вернуться?

После отъезда первой группы беженцев, юг Украины лихорадило. При этой неразберихе, особенно зверствовали таможенники. Проверки при выезде евреев велись по временным инструкциям. Украинское правительство на тот момент не придумало новых законов на выезд. Такого большого переселения народов не было со времен революции 1917 года.

Во временных инструкциях было отмечено:

– нельзя вывозить драгоценности, а именно золото, бриллианты, серебро, платину и все, что в изделиях. Можно было взять только одно обручальное кольцо. Количество денег, только в размере трех средних месячных окладов в перерасчете на доллары Радиоаппаратуру, предметы быта, искусства, книги, картины, животных, ордена и медали, даже трудовые книжки и внутренние паспорта – все это было нельзя.

Выезжать можно только в том, в чем стоишь. А там дальше – твои проблемы.

Если к отъезду по такому варианту собиралась семья пожилого одессита, вся родня помогала, как могла. Уезжавший лихорадочно считал деньги, тайно переводил их на доллары и искал, у кого там, за рубежом есть хоть какой-нибудь родственник, чтобы не пропасть.

На каждого члена семьи необходимо было оформить заграничный паспорт в ОВИРЕ. Как только туда сдавалась анкета, сейчас же на производстве сообщалось о неблагонадежности. На следующий день человек вызывался в партком, где он обязан был положить на стол партбилет, и тут же писать заявление об увольнении.

Люди попадали в расставленную государством ловушку, продавали все, чтобы хоть чуть-чуть накопить денег, потому что между увольнением и отъездом могло пройти много месяцев, которые нужно было прожить.

В результате в квартире оставались голые стены. Приватизации квартир еще не было, а с работы всех увольняли с клеймом «изменник Родины».

У одного такого «изменника», перед отъездом за столом в совершенно пустой квартире собрались родственники, и грустно прощались. Один из отъезжающих поднял пластмассовый стаканчик с шампанским и тихо сказал «Да здравствует Израиль!», хотя хотелось бы в Америку. Все выпили. Было лето, жарко. Окна на улицу открыты. Спустя 5 минут в

дверь позвонили. На пороге стоял милиционер «при исполнении». Взяв под козырек, он спросил:

– По какому поводу собрались?! Почему пьете за Израиль? Что не знаете, что у нас с ним натянутые политические отношения? Кто это произнес, пусть сам признается и пойдет со мной в отделение!

В комнате воцарилась немая сцена, как в Гоголевском «Ревизоре». Никому в тот момент нельзя было ссориться с законом. Отъезжающий много лет проработал в руководстве города и знал, что спорить и доказывать участковому в этот момент что-либо бесполезно.

– Что вы, – сказал один из присутствующих миролюбиво, – у нашего родственника день рождения. А его зовут Израиль.

– Покажите паспорт, – потребовал представитель власти!

Посмотрев документы и убедившись, что это действительно так, он извинился и исчез. А спустя какое-то время, они уехали. Что они пережили в пути следования, представить себе трудно.

Был разгар августа, в Италии пик сезона. Два старика беженца, не имеющие медицинской страховки: семидесятилетний Сема и его восьмидесятилетняя сестра Мира умерли в благополучной Италии. Их кремировали, и пепел развеяли по ветру. Мечтали ли они об этом? Те из беженцев, кто выжил, и у кого нашлись родственники, с последней группой попали в Америку. Остальные сотни евреев должны были

либо вернуться обратно, либо ехать в Израиль.

Меня всегда мучили сомнения: почему, почему такое бегство из страны, в которой мы родились? Где похоронены наши предки?

Наверное, сейчас мало кто помнит, что во всех паспортах СССР была 5-ая графа – национальность. И при внимательном рассмотрении паспорта эта графа была главной для: устройства на работу, в школу, в институт, в партию, роста по службе, получения квартиры, поездке туристом за границу. При всех учреждениях были первые отделы, где сидел пожилой КГБист в отставке. Он получал инструкции, кого сегодня считать врагом народа, а кого нет. Кого и сколько должны были принимать по установленному проценту: предприятия, школы, вузы. Если приходили устраиваться на работу украинский безработный из глубинки и безработный еврей – инженер из города, брали из глубинки. Потому, что на 100 украинцев можно было принять только 5 евреев.

Нужно еще вспомнить лозунг «Кто не работает, тот не ест». И это была основная программа правительства. Нельзя было быть художником, если ты не состоял в «Союзе художников», поэтом, если не признан «Союзом писателей», и так далее. Потому, что ты сразу переходил в ранг «тунеядцев». А их родимых выселяли на поселение в места не столь отдаленные, чтоб рабочему классу жить не мешали. Ярким примером этого маразма является судьба Иосифа Бродского. Просто всем евреям надоело быть людьми второго сорта,

вечно чувствовать себя на острие иглы. Ведь коммунистическая политика была главным рычагом жизни людей. Людям хотелось нормальной жизни в современном обществе.

После отъезда первой группы беженцев окошко на границе закрылось на долгие годы. Америка делала вид, что помогает евреям бороться за свои права, но большого приема беженцев в посольстве не происходило. Очереди в Москве перед посольством США стояли громадные, однако решения американской стороны необходимо было ждать годами.

Подавшие документы проходили в Москве специальную медицинскую комиссию, писали тесты на знание языка, проходили собеседование с работниками посольства. Все это очень напоминали допросы в КГБ, на лояльность. В посольстве даже требовали написать жалобное письмо, о том, как над тобой издевались в СССР, потому что ты еврей.

В 1989 году, русскоговорящие евреи, въехавшие в Израиль, по просьбе «Сохнута» вспоминали фамилии бывших соседей по дому, лестничной площадке. Эта организация, всячески желая выманить евреев в Израиль, начинала слать по имеющимся у нее адресам, посылки с продуктами. Но, не многие сегодня помнят, что все посылки, пришедшие из-за рубежа, вскрывались на Главпочтамте, и должны были, облагаться налогом.

Только не ясно, каким налогом можно обложить муку и масло, сахар и куриный паштет. На почте тоже сидел представитель КГБ. Под его руководством почта немедленно со-

общала об этих безобразиях в I-ый отдел того предприятия, где работал получатель. Сам человек «ни сном, ни духом» не знал о посылке, но КГБ было начеку. Тут же собиралось партийное бюро предприятия и человека ставили «на вид», строго предупреждали, если еще раз то положишь партбилет. Если билета нет, будешь уволен как «враг народа».

Посылки продолжали приходиться и человека вынуждали думать об отъезде. Люди начинали бояться стука в дверь, ночных шумов за окном. Ведь еще были живы те, кто пережил 1948-49 год. Статью 58 в тот момент еще не отменили.

Ждал ли их тот самый вожденный рай за рубежом? Все вроде было организовано правильно при приеме новых репатриантов, но... Сложно сказать. Ведь они все уезжали в другую языковую среду, в другую жизнь, в другой мир, примерно как на другую планету. Требовалось много душевных и физических сил, чтоб там, в чужой стране выжить. Поэтому выжили не все. В первые годы эмиграции, столкнувшись с чужим языком, неизвестными законами и многими сложностями жизни, не понимая как с ними справиться, многие кончали жизнь самоубийством.

Возникает вопрос: Как же так? Почему? Каким был устой жизни в еврейской семье. Семья всегда была большой. Главными всегда оставались бабушка и дедушка. Именно бабушка принимала решения кто куда, кто с кем. Потом уже мать и отец. И обязательно, что бы много детей. Их прежде в семьях юга Украины, как впрочем, и Белоруссии, было в семьях не

менее 15. Обязательно соблюдались еврейские праздники, пусть при закрытых окнах и дверях, тихо при свечах читали главы из Торы. Старики говорили между собой на идиш. Все пытались придерживаться еврейских традиций. Согласно Талмуду: «еврей не должен жениться на нееврейке и наоборот. Еврей не должен пить вина в доме не еврея, как бы, не захмелев забыть об этом запрете». Только, благодаря соблюдению этих законов была сохранена еврейская общинная жизнь, традиции и вера в единого бога.

После победы над фашизмом, в СССР насаждалась теория интернационализма. По ней наступала эра всеобщей любви и братства. Дружба народов – основной закон жизни. Синагогу в нашем городе после войны долго не восстанавливали. Молиться, и отмечать праздники было негде. Старики помнили только «Пейсах». Он совпадал с майскими праздниками, и после него была ортодоксальная Пасха. В этот день ели куриный бульон с мацой и фаршированную шейку.

Чтобы стать хоть кем-нибудь при общей любви к интернационализму и из-за проблем с 5-ой графой паспорта, евреи всячески старались поменять фамилию, отчество, национальность и стать украинцами, русскими, молдаванами. Во время последней переписи населения в Одессе, переписчики предлагали многим изменить национальность, потому что статистика в городе была «плохой». Но и смена национальности евреям не очень помогала. Говорили: «Быют не по – паспорту, а по физиономии».

Из-за страха посещения синагоги, полного отсутствия информации о религии, основная масса еврейской молодежи, родившаяся после 70х, вообще была далека от иудаизма. Присутствие при богослужении являлось поводом для увольнения. Запрещено было публично говорить на идиш, боялись говорить даже дома. Не дай бог услышат русские соседи и донесут. Коммунистической партии очень нужен был образ врага. Когда всех внешних врагов победили, стали искать внутренних. В 1986–годах была популярна песня: «Если в кране нет воды, значит, выпили жида». И так далее. Поэтому, когда появилась возможность выехать, многие «бежали сломя голову», теряя при этом не только нажитое годами. Теряя родных и близких. В результате семьи разделились. Старики, те самые, которые были когда – то «мудрейшими», доживают свою жизнь в иностранных «Домах престарелых». Они оказались для всех тяжелой обузой. А их дети и внуки разъехались по миру, и встречаются только на свадьбах или похоронах. О такой ли жизни они мечтали? Думается мне, что нет.

С 1989года началась новая волна эмиграции. После перенесенных волнений дефолта, полного обнищания народа, устроенного Горбачевым, стало страшно жить. Все бывшие и не бывшие евреи сразу начали искать свои КОРНИ за рубежом. При приеме документов в посольствах соблюдалось правило, что евреем является только тот человек, у кого мать еврейка. Отец здесь вообще не упоминался. Ехали в Герма-

нию и в другие страны Европы. Германия при всех исторических коллизиях все же Европейская страна. Да и возвращаться обратно не так далеко. Только как можно было возвращаться, если родина отбирала все.

Недавно М.Горбачеву исполнилось 80 лет. Он честно говорит с трибуны, что ошибался и сделал все не так. Сам Горбачев живет в Мюнхене, и живет, как видим не бедно. Это становится очевидным, когда в Англии справляли его день рождения с участием мировых кинозвезд и присутствия самой королевы.

Исход

*И сказал Бог: – Увидел я бедствие народа моего, который в Египте, и услышал вопль его из-за его притеснителей, ибо познал я боль его. И сошел я спасти его из-под власти Египта и привести его из той страны в страну прекрасную и просторную...
Тора. Книга «Шмот»*

2009 год, Нью-Джерси, Америка.

В семье Фимы Гольдмана в этом году отмечали очень важное событие, был праздник. Ровно 40 лет назад он приехал сюда с юга Украины. Приехали они с женой по гостевой визе с одним чемоданом и 100 долларами в кармане. Фиму часто спрашивали, как это получилось? Ведь жили-то они вполне благополучно. При этом Фима вместо ответа, рассказывает один старый анекдот:

– «На мосту через реку собрался народ. В реке болтая руками, тонет человек и кричит при этом: – Помогите! Все стоящие на мосту сочувствуют ему, но прыгать в воду не торопятся. И вдруг с моста в воду, в одежде прыгает молодой человек, и спасает тонущего. Когда прыгнувший оказывается на берегу, вокруг него сразу появляются корреспонденты газет и кричат: – Вы герой!!! А он при этом тихо отвечает: – Герой то я герой, но вот какая сволочь меня с моста сброси-

ла?»

Итак, 40 лет, срок немалый. Вначале в чужой стране было очень тяжело и одиноко. Ведь Фима приехал по приглашению школьного товарища всего на 14 дней, а потом попросил убежища и остался. И начались у них с женой проблемы, как у всех. Сначала языковые курсы и велфер (социальное пособие), потом поиск работы, квартиры, рождение ребенка. В его семье за 40 лет родилось трое детей, но никто из них не говорит по-русски. Потом пошли внуки. Он им очень рад, но общаться приходится со словарем.

Если ему с женой хочется что-то скрыть от детей и внуков, они переходят на русский. Сын женат на итальянке, средняя дочь замужем за датчанином, а младшая – за немцем. Кто бы мог подумать, что простой учитель математики с Украины будет иметь в семье такой интернационал. Можно считать, что Фиме в жизни очень повезло. Они с женой в тот период были одними из первых, уехавших без конфликта с властью. Конечно, ситуация была больше, чем странная. Об этом хочется рассказать подробнее.

Время было брежневское. Еще все помнили о хрущевской оттепели, об осуждении сталинизма. Тогда, в июне 1968 года, Фима окончил университет и получил диплом, где числилось «преподаватель математики высшей школы». Именно в этом году он удачно женился. Его жена Рая (Ривка), тоже получила диплом, где писалось – «преподаватель химии».

Родители Фимы выбором жены были очень довольны. Де-

вочка была скромная, из еврейской семьи, хозяйственная и без капризов.

– Сыграем свадьбу, чтобы было как у людей! – решил папа.

Из всех городов бывшего СССР на свадьбу были приглашены папины родственники. Большая свадьба не вызывала ни у кого удивления. Фимин папа занимал по тем временам очень высокий пост, он был главным диспетчером Черноморского пароходства. В пароходстве папа был уважаемым человеком, несмотря на то, что Гольдман. Даже сам начальник пароходства здоровался с папой уважительно. Папа получал очень приличную зарплату, имел служебную машину, шофера и бесплатный билет на любой зарубежный круиз один раз в году. Папу так уважали, что даже разрешали брать в морской круиз маму.

Родственников у папы было много. Его дед еще до революции жил в еврейском местечке и имел 12 родных братьев. У многих из братьев выросли дети, внуки. Все братья были религиозны, ходили в местные синагоги и верно соблюдали законы Торы. Родня была большая. Гости съезжались к назначенному дню отовсюду: из Западной Украины, Грузии, Москвы, Ростова. Гостей необходимо было разместить и накормить. Был заказан большой зал в самом шикарном ресторане города. Ресторанный оркестр приготовил по просьбе молодых много музыкальных сюрпризов. Песни должны были петь, как на украинском, так на русском, молдавском,

и еврейском языках.

Правда, молодые еще не имели своей квартиры, не имели работы. Но папа решил, что все эти проблемы решаемы и вторичны. Молодые временно поселились у родителей жены.

Свадьба на юге Украины всегда была мероприятием безудержным и богатым. Туда нельзя было прийти без подарка. Дарили все: большие суммы долларов в конвертах, столовые сервизы, постельное белье. Один из близких родственников принес лотерейный билет, который выиграл Запорожец (Была в те времена такая супермашина). Фима и Рая были на десятом небе. Гостей было более 100 человек. Они шли в ресторан сплошным потоком, и при каждом новом госте оркестр играл «Марш Мендельсона». Поздравления длились больше часа. Наконец, все расселись за столы, и веселье началось. Тосты, пожелания, танцы, смена блюд, за всем этим наблюдал тамада. Профессиональный фотограф, приглашенный из фирмы «Свято», работал без перерыва. К концу вечера основные пробные фото членов семьи должны были быть готовы. Это потом молодые закажут альбомы на память для себя и для членов семьи, а перед альбомом необходимо было много трудиться. Тогда это был для фотографа очень приличный заработок. Праздник длился до трех часов ночи. Только вначале четвертого утра гости стали расходиться по домам. Хозяевам – же спать было некогда. Необходимо было привести все в порядок и отправить приезжих гостей по домам. В суматохе и радостных переживаниях про-

шла неделя.

Отец Фимы, Леонид Ефимович Гольдман, снова приступил к своим производственным обязанностям. Мать Фимы, Соня Лейбовна, никогда не работала. Она больше сидела дома или болтала по телефону. Ведь телефон тогда был только в домах высоких чинов. А у нее был.

Все то, что в это самое время происходило в других городах мира, до Украины доходило с большим опозданием.

А происходило вот что: Александр Дубчек первый секретарь ЦК КП Чехословакии(с января 1968 по апрель 1969года),решил начать реформы экономики в страна, что очень не понравилось руководству ЦК КПСС Советского Союза, а именно Леониду Ильичу Брежневу. Не секрет, что после великой Отечественной во всех странах Варшавского договора стояли советские войска. Такие же подразделения стояли и в Чехословакии. Узнав о том, что Дубчек что-то творит сам, не согласовав с руководством СССР, очень взволновало руководство ЦК, и они решили срочно направить на улицы Праги стоявшие в отдаленных пригородах, советские танковые подразделения. Об этом нигде не сообщалось. Узнать об этом можно было, только прослушав радио «Свобода».

В семье Гольдманов в это время было столько суматохи, что ни о каких новостях они просто не имели возможности узнать. А в это время в Москве проходило «Дело четырех» Были осуждены писатели Даниэль и Синявский за Самиздат. Велось уголовное дело против писателя А. Гинзбурга.

Однако все это было далеко от юга Украины, и подробная информации нигде не публиковалась. Голос «Свободы» слушать можно было не везде и с большой опаской. Ведь, кроме радиоточки, мало у кого были нормальные радиоприемники. Чтобы послушать новости, люди собирались в квартирах у друзей на кухнях, вроде как за чаем. А в конце августа 1968, случайно стало известно о «Демонстрации семерых», которая прошла на Красной площади в Москве. Прямо на Лобном месте. Говорили, что люди вышли с самодельными плакатами, на которых было написано «За вашу и нашу свободу», «В защиту Пражской оттепели». Их имена стали известны спустя много лет, а тогда это было большой тайной. Рассказывали, что как только эта группа расположилась на Лобном месте, вокруг нее сразу собрались любопытные прохожие, которые высказывали свое мнение по поводу происходящего. Спустя 30 минут всех стоявших, как демонстрантов, так и любопытных, задержал наряд милиции и доставил на Лубянку. Начались обыски по квартирам и допросы. Люди оказались совершенно не подготовлены к такому повороту дела. Оказалось, что «Пражская оттепель» кончилась сворачиванием хрущевской оттепели, и все ощутили это на своей шкуре. Некоторых отправили в Сибирь, некоторых в психушку, а другим предложили покинуть страну.

Фима с Ривой, ни в каких политических действиях не участвовали, а жили и радовались своему счастью. Счастью первой любви. Но праздники кончились, и начались будни.

И начали Фима с Ривой искать работу. Но, увы. Ни в одно учебное заведения города их не принимали.

– Да, специалисты нам нужны, но увы. . . ., -отвечали им и многозначительно молчали. Тогда за дело взялся сам папа Гольдман.

Он зашел к начальнику первого отдела пароходства и, закрыв предварительно все двери, спросил: – Объясните мне, Иван Васильевич, почему мой сын и невестка, два молодых учителя, не могут устроиться на работу?

– Очень просто, – ответил КГБист, – пришло закрытое письмо ЦК КПСС из Москвы. В связи с расширившимся политическим движением диссидентов, в котором большинство евреев, прекратить прием евреев в учебные заведения, как на учебу, так и на работу. К сожалению, мера временная. Но вы ведь знаете, что нет ничего более постоянного, чем временное.

После этого разговора папа Гольдман сильно призадумался. Он, молча, ходил вечерами по квартире и тихо что-то решал, словно задачу с тремя неизвестными.

Спустя неделю он предложил сыну поговорить с мамой его бывшего одноклассника, который плавал на сухогрузе, и часто посещал Америку. Мама одноклассника обещала помочь. Но для этого требовалось время. Если с квартирой у Фимы проблем не было, то кушать необходимо было каждый день. Устроились они с Ривой преподавателями в деревенскую вечернюю школу рабочей молодежи на полставки в

50 км от города.

Больше загрузки им не давали. Но и на этом спасибо. В этой вечерней школе всегда требовались преподаватели. Ученики там были очень трудные. Колхозники, с низким интеллектом, часто пьющие. Но аттестат в то время был нужен всем. Вот и отсиживали они вечерами в школе за партой.

Так прошло полгода. И вдруг Фиму позвали к маме школьного друга. Оказалось, что школьный друг все в Америке узнал и привез Фиме с женой приглашение в гости к «двоюродному дяде». Является ли этот человек по-настоящему дядей, проверить было невозможно. Чтобы оформить все бумаги, необходимо было ехать в Москву. Фима отсутствовал на работе «по болезни» 10 дней, а когда наступили летние каникулы, на всех законных основаниях улетел с женой в далекую неизвестную Америку к неизвестному дяде.

Так все начиналось. В Америке его встретили. Временно разместили, а потом он пошел «сдаваться». Всем, кто ему помог, Фима хорошо заплатил. Через три месяца он и Рива получили временную визу, и пошли на курсы. Потом – как у всех: квартира, работа, машина, дети.

О возврате домой не было даже разговора. Так они и живут уже 40 лет. Сам Фима с женой купили квартиру. А каждый из детей имеет собственный дом. Детям, конечно легче. Они родились в Америке и здесь их родина. Английский для них родной.

А на Украине дела разворачивались необычные. Ровно че-

рез три месяца, после отъезда Фимы, в органах безопасности города стало известно, что он попросил там политического убежища.

Все это стало известно по месту работы Леонида Ефимовича. Папу вызвали в первый отдел. Папин хороший знакомый, Иван Васильевич, смотрел исподлобья. Он не разговаривал, как прежде, доверительно, сев за свой письменный стол, он грозно произнес:

– Нам стало известно, что ваш сын предатель Родины, отщепенец. Он надумал не один сбежать, а захватил с собой еще и жену.... Мне поручено предупредить вас. Либо вы срочно вызываете его обратно, либо через неделю положите на стол партбилет! Разговор окончен!!! Получается, раз у вас сын диссидент, то и вы ненадежный человек. А в партии таким не место.

(Многие, живущие в ХХI веке наверное не знают, что все руководящие работники должны были быть обязательно членами коммунистической партии).

Папе к тому времени было всего 52 года. Уже не молод, но еще не стар. Как быть?

Домой папа пришел в ужасном настроении. Обычно веселый и отзывчивый человек, весь вечер не произнес ни слова. Соня боялась подходить к нему с расспросами, так грозно он выглядел. На следующее утро он сказал жене: – Сонечка, нас ждут большие неприятности. Но я очень доволен, что наш Фимочка уже там устроился.

– Откуда ты об этом знаешь? – спросила жена.

– Меня вчера вызывали в первый отдел и предупредили, что если он не вернется, они заберут у меня партбилет. А это значит, что я потеряю место работы.

– Боже, – испуганно заплакала Соня, – как же мы будем жить?

– Еще неизвестно, как дело повернется, но нужно готовиться к худшему. Постарайся пока никому ничего не говорить. Ничего лишнего в дом не покупать. Экономить деньги и при этом меньше болтать по телефону. Его могут прослушивать.

И он отправился на работу.

Спустя три месяца папу вызвал начальник пароходства.

– Послушай Леонид. Мы с тобой работаем уже 20 лет. Я всегда был очень доволен твоей работой, но наступило сложное время. Из-за этой политики нам было «сверху» указано тебя уволить. Я не знаю, кого мне взять на твое место. Но не выполнить приказ я тоже не могу. Иначе уволят меня. Даю тебе срока 6 месяцев. За это время ты должен уладить все свои и наши дела, и спокойно подать заявление на увольнение. Если ты этого не сделаешь, мне приказано уволить тебя с записью «Диссидент» в трудовой книжке, а я этого не хочу.

Вечером папа, закрыв предварительно все окна и двери, позвонил в Америку сыну. Много говорить обо всем он не мог. Но сын его понял и через месяц он получил тем же путем, через школьного друга сына приглашение в гости.

За шесть месяцев папа оформил въездную визу в гости, продал все, что было в доме. Уволился, вышел из партии. Квартира, в которой он жил, тоже была ведомственная, поэтому после его увольнения он автоматически ее лишился. Перед отъездом папа позвал в гости своих двоюродных братьев. Они приехали из разных городов. Все люди уважаемые, примерно одного возраста.

Один из Львова, один из Ростова, один из Одессы. Все они были главными инженерами разных заводов. Но узнав обо всем, что случилось с Леонидом, они стали задумываться. Ведь с ними тоже может такое же произойти. У каждого из них были дети.

Полететь в Америку можно было только через Москву, поэтому папа решил сделать это в мае. Погода стояла теплая и приятная. Окна домов были открыты настежь. Братья сидели за обеденным столом, на котором даже не было скатерти. Квартира была пустой. На столе стояли только стаканы для напитков и несколько бутылок шампанского. Старший из братьев сказал:

– Дорогой Леонид, ты прекрасный человек, и мы все тебя очень любим, но так получилось. Мы не очень готовы к подобным событиям, но если бы у нас произошло подобное, мы поступили бы так же. Все молча выпили. Один из братьев тихо стал рассказывать, что происходит в мире. Как по радио «Свобода» все громче выступают разные государства в поддержку советских евреев. Одно из главных государств

– это Израиль.

В аэропорт приехали провожающие родственники с детьми. Для тех, кто улетал в Америку, даже через Москву, был отдельный контрольный пункт. Особенная проверка, особенный зал регистрации.

Он улетел. А потом, как и я попросил убежище. По приезде он устроился на работу и еще 10 лет проработал в разных портах Америки. С тех пор он никогда не был на Украине.

В этом году ему исполняется 92. Он полон сил и оптимизма. Моя мать Соня тоже пытается еще быть молодой, правда у нее это уже плохо получается. Через несколько лет после него все его братья попали в похожую ситуацию. С 1970 года они все в Америке. Каждый нашел свое место в этой гостеприимной стране. Иногда они звонят на бывшую Родину, но все их друзья и сослуживцы давно умерли, и память стерла все плохое.

Зов крови

В большом ритуальном зале синагоги немецкого города Майнца, шла служба. Был обычный шаббат или встреча субботы, которая приходит в пятницу.

В первом ряду зала сидели только глубоко религиозные мужчины, молящиеся вместе с раввином.

Среди них был и Петр. Он был сосредоточен, готовился читать молитву из книги «Врата Завета». На голове его была «КИПА». Это традиционная черная шапочка, приколотая к волосам. Без нее еврейский мужчина не может присутствовать на богослужении. Никто не заставлял Петра находиться здесь. Он приходил сюда по своему желанию. А скорее всего, по возникшим у него религиозным чувствам.

Все, что происходило в городской синагоге, было ему по душе. Он с удовольствием посещал все богослужения, учил на память молитвы. Находясь дома, или в отъезде он продолжал соблюдать запреты. Все глубже изучал историю еврейского народа и литературу по этому вопросу.

Получилось так, что, переехав в Германию на постоянное место жительства, он наконец, почувствовал себя свободным человеком и перестал всего бояться. Он познал свои корни, еврея с глубокими традициями. Совсем недавно, уже находясь в Германии, он совершенно случайно узнал, что его прадед еще до войны был раввином синагоги в городе Одес-

се и погиб в концлагере. Правда, по понятным соображениям, все это скрывали от него родственник.

«Жил на свете маленький зайчик и всего боялся. Боялся ветра, который своими порывами гнал осенние листья, боялся дождя, боялся темноты» – такую сказку всегда на ночь рассказывала Пете мама. Он слушал и тихо засыпал. Позже, когда он подрос, то часто задумывался над ее скрытым смыслом.

Петя был тихим и очень послушным ребенком. В доме, где прошло его детство, не разрешалось шуметь, бегать кричать, петь. Его взрослые дяди и тети часто разговаривали шепотом, чтобы, не дай бог, соседи не услышали, хотя стены в доме были очень толстые. А вечерами, когда с работы возвращался дед, вся жизнь в доме замирала.

По выходным вся семья собиралась за обеденным столом. Бабушка и домработница Настя накрывали на стол. Во главе стола сидел дед. Его грозное лицо, практически, никогда не трогала улыбка. О чем он думал? Все ждали его разрешения приступить к еде. Вообще, в семье царил настоящий домострой. Каждый год, начиная с июня, вся семья выезжала за город, на дачу. Дача была большая, со всех сторон огороженная высоким забором. В середине участка стоял огромный двухэтажный дом с камином и туалетами на каждом этаже, что по тем временам считалось роскошью. Рядом с дачей была река, где купались дачники в жаркое время года. Вокруг дачи рос хвойный лес. Дети собирали грибы, ягоды, шишки.

Всем четверым детям было выделено по комнате. У главы семьи тоже была своя комната – кабинет. На даче была даже комната для прислуги.

Когда Петя пошел в пятый класс, то совершенно случайно узнал, что его мать родилась перед самой войной на теплой и благодатной Украине. В самом начале войны, при первых налетах немецкой авиации, его годовалую мать Рахиль вместе со всеми остальными родственниками эвакуировали в Сибирь. В то время ее родной город заняли немцы. Они бесчинствовали, вылавливая евреев, жгли их дома, расстреливали людей на улицах. Цветущий город, где родилась Рахиль, превратился в руины.

Сибирь в 1941 году была для жителей Украины просто «концом света». Эвакуация в товарных вагонах на восток страны проходила в тяжелейших условиях. Маленькая Рахиль беспрерывно простуживалась и, за те два месяца, пока они ехали к пункту назначения, переболела всеми возможными детскими болезнями. Наконец, они прибыли в город на Оби. Зима, снег и 45 градусов мороза. Но Петины дед и бабушка еще были очень молодыми, и они выжили, нашли свое место в той тяжелой ситуации. После окончания войны на Украину они уже не вернулись.

Деда звали Моисей, но там, в Сибири, он стал Михаилом и, конечно, вступил в ряды коммунистической партии. Без этого невозможно было выжить. Он занимал большой пост в руководстве Обского пароходства.

Бабушку звали Ребекка, но там она стала Раисой и тоже вступила в те же ряды. Она была детским врачом. А потом начались чистки по делу врачей. Сажали врачей – евреев. Сажали без особых причин, без суда и следствия.

Но дед и бабка были надежными партийцами, им повезло, и их не тронули. Они просто жили и очень боялись. Всю жизнь боялись за своих детей, которых к тому времени стало четверо. Боялись друг за друга, боялись доносов соседей и зависти сослуживцев, боялись косых взглядов дворника, боялись за будущее семьи. В дом старались никого не водить и о своем сокровенном ни с кем не делиться.

Но при этом, дедушка и бабушка часто вспоминали Украину. Теплый климат, много фруктов, много солнца. Им очень хотелось вернуться, но и этот шаг они сделать не могли. Они боялись все потерять, ведь никто не мог сказать, что их там ждет, а если ехать, то все нужно было начинать сначала. Ведь там, на Украине, после войны была настоящая разруха. Люди голодали, хлеб был по карточкам. Не было отопления и электричества. Не работали заводы. Был страшный разгул преступности. Поэтому-то для восстановления порядка туда послали командарма Г. Жукова с его регулярной армией.

Так и прожили они всю свою сознательную жизнь в Сибири. Были ли они счастливы? Об этом никто никогда не говорил. Главным в семье всегда был дед. Он достиг многого, стал крупным хозяйственным руководителем, и все в семье

зависело от него. Он нес на своих плечах все заботы и волнения по защите семьи, по ее благополучию. Он требовал от своих детей, чтобы они «правильно» думали, хорошо говорили о партии, и, боже сохрани, нигде, никогда не говорили лишнего. Дед решал, с кем можно дружить и с кем нельзя, на ком можно жениться, а на ком нельзя, и дети беспрекословно слушали. Так продолжалось годами. Они, дети, тоже жили и боялись. Дед был человеком суровым, но и время было нелегкое. О том, что они евреи с Украины, практически не знал никто. Когда в послевоенное время, родственники с Украины приезжали погостить в Сибирь, они понимали, что все в доме подчиняется воле деда. Прежде всего, они должны были ему понравиться, а если нет, то более двух дней в доме не задерживались.

Когда Пете исполнилось 16 лет и наступило время получать паспорт, он пытался выяснить у матери, кто же его отец? Где он проживает, и почему с ним нет никакой связи? Эту тему в доме много лет никто не поднимал, и Петя был уверен, что отец давно умер. Однако, соседи в его подъезде, которые всегда знают все о всех, тайно сообщили ему, что это не так.

– Мама, ты должна сказать мне правду, – однажды обратился Петя к матери, которая постоянно пыталась уйти от этого разговора.

– Знаешь, сынок, – сказала она однажды, – с твоим папой мы учились на одном курсе в медицинском. Он должен был

стать хирургом. По национальности он был татарин. После четвертого курса нас вместе с ним послали в далекую сибирскую деревню на практику. Так получилось, что жили мы в доме у одной хозяйки и твой будущий отец всячески хотел мне понравиться. Парень он был веселый, простой, без претензий, душевный. Любил компании и, естественно, выпить.

Мне тогда было уже 25 лет, и я считала себя вполне самостоятельной. Мы с ним стали жить гражданским браком, но в те годы это не приветствовалось и считалось позором. Когда твой дед узнал об этом, он немедленно приехал в нашу деревню и потребовал официально расписаться, так как это бросало тень на его положение в обществе. Потом я забеременела. Когда я была на шестом месяце, к нам в деревню без предупреждения приехала твоя бабка и просто силой увезла меня домой. Твой отец еще на 3 месяца оставался в этой деревне для окончания практики. Он появился в городе, когда я уже находилась в роддоме. Как он был счастлив, когда ты родился. Ты ведь был очень на него похож. Поселились мы все втроем в одной квартире с дедом и бабкой. Квартира была большая, и нам выделили отдельную комнату. Но прожили мы вместе недолго. Дед Михаил, видимо, сразу решил, что этот татарин нам не нужен. Он планомерно, ежедневно унижал и оскорблял его по всякому поводу. Ему все не нравилось. И как тот одевается, как он ест, как он смотрит за своей одеждой, за мной, за сыном. А главное было то, что он приносит в дом маленькую зарплату. Наша семей-

ная жизнь представляла собой «кипящий котел страстей». Никакие мои уговоры и просьбы о поисках компромисса, не принимались во внимание. В результате, твой отец ушел из нашего дома к своей маме. Дед даже не разрешал ему встречаться с тобой. Он официально, через адвоката, лишил его прав отцовства и сам усыновил тебя. То есть, твоим отцом по документам является твой дед. Спорить я с ним не могла.

Моя мать Раиса всячески пыталась загладить мою душевную боль, предлагая мне всевозможные варианты новых знакомств. Я ездила с ней в Ессентуки, в Ялту, в Одессу. Но, к сожалению, в те годы, женщина с ребенком мало кого интересовала.

Что было делать? Я с головой ушла в работу. А твой отец через три года создал новую семью и регулярно посылал нам алименты. Больше детей у него не было. Если ты хочешь, я дам тебе его адрес. Ты сможешь с ним встретиться.

Петя слушал мать с большим удивлением. Он знал крутой характер деда, но никогда об этих событиях не слышал.

Спустя месяц, Петя встретился со своим отцом в кафе. Перед ним сидел пожилой лысоватый мужчина, бедно одетый и какой-то внешне уставший. Сыну он очень обрадовался. И действительно, Петя был на него похож. Тот же татарский овал лица, тот же разрез глаз. Отец от радости встречи не мог сдержать слез.

Просидели они в кафе почти час. Под конец встречи отец спросил:

– А дед знает о нас?

– Нет, – ответил Петя, – я пока ему не говорил.

– Не надо, пожалуйста, – попросил отец. – Если он узнает, то обязательно сделает мне какую-нибудь гадость. Если честно, я его просто боюсь.

После этого свидания Петя тайно встречался с отцом каждый праздник. Дарил ему подарки. Он понимал, что отец живет бедно и плохо. И, наверняка, пьет.

Когда Петя окончил школу и уже собрался идти в армию, дед постарался сделать все возможное, чтобы армия прошла стороной, а Петя поступил в институт. На втором курсе дед дал ему денег на кооператив. Все же Петя был его старшим, послушным и любимым внуком. А сам дед выступал в роли отца. Всем своим детям дед постарался сделать кооперативные квартиры, но все равно, даже перед выходом на пенсию, он требовал от них отчета – где были, как и кем, они работают, чем заняты внуки, с кем дружат. Дед всегда занимал высокие хозяйственные посты, был человеком уважаемым и грозным, непримиримым бойцом за коммунистическую партию и советскую власть. Менялись правители великой страны. Но крупные начальники были нужны всегда. А потом, вдруг, эта ужасная перестройка и совершеннейший хаос, как в экономике, так и в жизни. Такого положения вещей дед пережить не мог и добровольно ушел на пенсию. Но и на пенсии он продолжал руководить всеми: женой, детьми и внуками. Вместе с тем, жить становилось все труднее и

непонятнее. В начале горбачевского периода умерла бабушка, а за ней и дедушка. Семья осталась без главы. После похорон все чувствовали себя совершенно потерянными. Они никак не могли поверить в дедушкину смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.